

В результате второй поездки моя библиотека пополнилась сойкинским собранием сочинений Конан-Дойля и рядом других весьма раритетных изданий.

Здесь мне хочется обратить внимание будущего читателя, что эта часть ленинградских воспоминаний не связана, к величайшему моему сожалению, к аспекту собирания антикварных книг. В этот период их в магазинах было так много, и они были настолько дешёвы, что никоим образом не могли привлечь внимание таких неучей, каким был я.

О, если бы я тогда знал хотя бы столько, сколько сегодня, после сорока лет собирательства антикварных книг, какая бы у меня была коллекция!!! Но об этом речь впереди. Заканчивая описания первых впечатлений о Ленинграде и ленинградских книжных находках, если можно так выразиться, доантикварного периода, хочу заметить, что те первые визиты в город на Неве оставили у меня навсегда глубокие и трогательные воспоминания.

Потом, многократно посещая Ленинград, у меня начинало трепетно биться сердце уже на перроне Ленинградского вокзала в Москве или в аэропорту Шереметьево, ожидая очередную встречу с любимым мне городом. И надо сказать, что встречи с городом и его жителями всегда оправдывали мои ожидания. Тем самым, мои детские представления и симпатии к этому городу, которыми я начал этот рассказ, получили жизненное моё подтверждение.

Да здравствует антикварная книга!

За первые двенадцать лет своей книгособирательской жизни мне удалось собрать около сотни собранных сочинений (в том числе и полных) различных русских и иностранных писателей. Разумеется, я называю собранными только изданные в прошлые годы, а не те, которые выходили в пятидесятые и последующие годы XX века, именуемые у книголюбов и читателей подписными. Собрания были в лучших, наиболее полных изданиях в хороших переплётках (полукожаных или издательских) и в прекрасной сохранности. Это была очень красивая стена книг, блиставших своими известными фамилиями авторов, представлявших многие страны мира. Но мне это уже стало не интересно. В 1959 году я прочёл книгу Н. П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о книгах», и в моей книголюбской душе произошёл переворот.

Николай Павлович Смирнов-Сокольский, народный артист РСФСР, как его называли, «патриарх» советской эстрады, был по своей удачливости книголюб-собиратель № 1 в нашей стране. У него, безусловно, была лучшая частная коллекция русских книг XVIII—XIX и первой половины XX веков. В 1959 году он состоялся, так же, как талантливый автор, описывающий судьбы книг, собранных в коллекции.

На меня эта книга произвела большое впечатление. Мне, как бы, открылся новый мир, в котором очень захотелось пожить. И я стал предпринимать первые шаги. Прежде всего, я поспешил убедиться в том, что книга Н. П. Смирнова-Сокольского не на

всех оказала такое воздействие, как на меня, или не все книголюбы её прочли, потому что, как только я объявил о перемене моих интересов, ко мне немедленно стали поступать предложения о покупке мною ранее собранных книг. Предложения были весьма заманчивы, цены предлагались достаточно высокие, и я понял, что материальный базис для задуманной перестройки в собирательской деятельности имеется. И тогда я отправился в букинистические магазины с новыми запросами.

Мои друзья, не могу применить другого слова, московские букинисты Лев Абрамович Глезер, Диана Абрамовна Демиховская, Ольга Ильинична Савина, Николай Николаевич Лебедев — были удивлены, как же так, общаясь уже значительное количество лет с ними, систематически бывая в магазинах, где они работали, я ни разу не проявлял интереса к этому разделу книжного собирательства. Сначала они мне объяснили, мимо каких богатств я прошёл, посещая их магазины в поисках художественной литературы. Потом Лев Абрамович мне указал на необходимость обзавестись специальной библиографической литературой, без которой немислимо системное собирательство старинных русских книг. Ольга Ильинична, работавшая на протяжении нашего, более чем тридцатилетнего знакомства в четырёх или пяти магазинах, продала мне, работая в магазине № 28, такие основополагающие книги, как Ю. Битовт «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века», Обольянинов Н. А. «Каталог русских иллюстрированных изданий 1725-1860 гг.» и ряд других.

Лев Абрамович помог мне собрать Сопикова В. С. «Опыт российской библиографии», все пять частей и указатель.

В Ленинграде мне удалось подобрать книготорговые каталоги Н. В. Соловьёва, все 144 выпуска, издаваемые с 1902 по 1916 годы, в том числе известный каталог № 105 «Редкие книги», изданный в 1910 году, который и сейчас не утратил своей познавательной ценности.

Насколько важно знать библиографию редких книг, наглядно можно увидеть из следующего приключения, о котором я хочу рассказать. В пятидесятые годы самым большим в Москве букинистическим магазином считался № 28. Он находился в старинном здании в начале Тверской ул. на том месте, где была построена высотная гостиница «Интурист», так портившая вид центральной части города. В нём покупали книги одновременно четыре товароведов (естественно, если в этом была производственная необходимость). В вечернее время, ближе к закрытию, оставался один, как бы дежурный, товаровед. Случай, о котором я вспомнил, как раз относится ко времени закрытия магазина. Я находился в магазине и стоял возле окошка, где покупали книги, разговаривая с товароведом о разном. В это время в магазин буквально ворвался молодой человек, подбежал к окошку со старой книгой небольшого формата и попросил её купить у него.

Товаровед, увидев издали старую книгу и, не имея желания продолжать свой рабочий день (он так хорошо болтал со мной), молодому человеку отказал, даже не

беря в руки книгу. Я же пройти мимо старой книги не мог и попросил показать её мне. Открыв её, я изумился: у меня в руках был хороший экземпляр в издательском картонном альманахе «Русская Талия» на 1825 г., изданный Ф. Булгариным с первой, хотя и частичной, публикацией грибоедовского «Горя от ума». Правда, на титульном листе стояла печать старинного вида с надписью «Рязанская учёная архивная комиссия».

У меня тогда этого альманаха не было, и я говорю товароведу (нарочно не называю его фамилию): «Купите эту книжку, молодому человеку, видимо, очень нужны деньги». Мне отказать ему было неудобно, и он мне отвечал, всё ещё не глядя в книгу, что он её примет только в том случае, если я её немедленно куплю. Я, разумеется, согласился, тогда он раскрыл книжку и стал выписывать квитанцию. Каково же было моё удивление, когда он никак не прореагировал на название. Предложил молодому человеку получить 10 руб. (дело было до 01.01.1961 г.), тот согласился, а меня товаровед заставил пойти в кассу и заплатить 12 руб. 50 коп., только тогда он выпишет квитанцию. Ошеломлённый виденным, я заплатил требуемую сумму, которая, по моему мнению, по меньшей мере в 40 раз была занижена. Молодой человек, получив 10 руб., был явно доволен, а я тоже. Когда же я опускал купленную таким удивительным образом книгу в карман, ко мне подошёл директор магазина и спросил, что это я такое у них купил.

Чтобы не подводить товароведа и не терять своё лицо, сказал: «Да так, какую-то старую книжонку»; он мне бросил последнюю реплику всего этого слу-

чая: «А мне показалось, что это какой-нибудь альманах». А ведь все товароведы, работавшие в этом центральном магазине, во главе с директором считались наиболее опытными букинистами в Москве.

Другой подобный случай произошёл уже в середине семидесятых годов в известном «Доме книги» на Новом Арбате. Там тоже была организована большая покупка букинистических книг, в том числе и антикварных. Как-то раз, зайдя в середине дня в отдел антикварной книги этого магазина, я вижу: на прилавке лежит журнал «Кошелёк» 1774 года. Попросив его показать, я первым делом посмотрел на цену — 10 руб. Надо сказать, что все журналы, изданные в XVIII веке, редки и высоко ценимы, особенно изданные Н. И. Новиковым. Это журналы «Трутень» на 1769-70 годы, «Живописец» на 1772 год, «Пустомеля» на 1770 год и «Кошелёк» на 1774 год. В моей коллекции журнала «Кошелёк» не было, и я не мог поверить, что такая редкость, да ещё в таком хорошем состоянии, могла лежать на прилавке за 10 руб. Меня терзали сомнения, ведь все эти журналы неоднократно перепечатывались в XIX веке, и для перепечатки это была нормальная цена. Однако, рассмотрев тщательно книжку, особенно фактуру бумаги и характер печати, я убедился, что это настоящий экземпляр и, естественно, его приобрёл.

Собирать журналы XVIII века очень увлекательно, но, по-моему, мало эффективно. В продаже они совсем не попадаются, но знать о них нужно, ведь могут однажды попасться, как мне повезло с «Кошельком».

Капитально вооружившись библиографической литературой, я стал её изучать. Вначале теоретически,

т. е. не имел самих книг, бывших объектом исследования трудов по библиографии. И, конечно, главной библией для меня, начинающего собирателя, стали книги Н. П. Смирнова-Сокольского. Написанные не сухим деловым языком, их можно было читать как художественную литературу. Вспоминаю, что некоторые фразы, говорящие о той или иной книге, произвели на меня сильное впечатление. Так, характеризуя редкость первой книжки А. П. Чехова «Сказки Мельпомены» издания 1884 г., Н. П. Смирнов-Сокольский написал: «Эта маленькая книжка 96 стр. не могла не стать огромной редкостью, так как читатели в 1884 г. её не сохранили, ведь они не могли знать, кем станет А. П. Чехов впоследствии. Кроме того, она была издана небольшим тиражом, 600 экземпляров».

Обосновывая ценность первого издания «Евгения Онегина», вышедшего с 1825 по 1832 год в семи книжечках, Н. П. Смирнов-Сокольский говорит, что помимо того, что изданные тиражом 1200 экземпляров в течение семи лет, они уже на стадии распространения стали большой редкостью, заметил при этом, что прочитав «Онегина» в тех главах совсем не то, что в различных современных изданиях со множеством комментариев и цветных иллюстраций. Мне хочется разделить с Н. П. Смирновым-Сокольским это мнение.

Если после чтения настоящей книжки найдётся хоть один человек, пожелавший стать на путь собирателя русской антикварной книги, то пусть одним из первых его шагов будет приобретение библиографической литературы, указанной ниже.

1. «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725—1800 гг.»— М., 1962—1975, т. 1-5.

2. «Краткая литературная энциклопедия».— М., 1962—1978, т. 1—9.

3. Смирнов-Сокольский Н. П. «Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв.»— М., 1965.

4. Смирнов-Сокольский Н. П. «Рассказы о книгах».— М., 1959.

5. Смирнов-Сокольский Н. П. «Рассказы о прижизненных изданиях А. С. Пушкина».— М., 1962.

6. Смирнов-Сокольский Н. П. «Моя библиотека».— М., 1969, т. 1—2.

7. Оболянинов Н. А. «Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг.»— М., 1914—15, т. 1—2.

8. Сопиков В. С. «Опыт российской библиографии».— СПб., А. С. Суворин, 1904—1906, ч. 1—5 и указатель 1908 г.

Специальные издания посвящены библиографии редких русских книг, среди них основными считаются:

1. Геннади Г. Н. «Русские книжные редкости».— СПб., 1872.

2. Березин Н. И., Н. Б. «Русские книжные редкости».— М., 1902-1903, т. 1—2.

3. Битовт Ю. Ю. «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века».— М., тип. Семёнова, 1905. Имеется переиздание 1992 года.

4. Остроглазов И. М. «Книжные редкости».— 1892 г. (из журнала «Русский архив»).

Приведённый список из двенадцати изданий не обязательно, да и невозможно приобрести одновременно. Но постепенно, наряду с собиранием антикварных книг, в течение года—двух лет реально заполучить эти справочные издания. Они очень помогут собирателю. Любые затраты для их приобретения будут многократно оправданы в процессе собирательства.

Первыми антикварными книгами, которые я купил, были: «Арабески» Н. В. Гоголя, один том; альманах «Полярная звезда» на 1824 год, издаваемый Бестужевым и Рылеевым; и «Стихотворения Нового поэта» издания 1855 г. без указания фамилии автора. Так как ещё не знал, что я покупаю, то нужно признать, что покупка в целом была удачной: в альманахе были все необходимые гравюры, переплёт был в хорошем состоянии, анонимная книжка в переплёте того времени также была хороша и лишь в «Арабесках» сказалось моё незнание. Теперь-то я знаю, что «Арабески», изданные в 1835 г., — это первая книжка Н. В. Гоголя, которая вышла под его настоящей фамилией. Тогда я этого не знал и не обратил должного внимания к виду титульного листа, на котором было стёрто и довольно грубо «том второй». Тем не менее, этот злополучный, по своему дефектный том и сейчас хранится у меня. За прошедшие многие годы я сумел лишь докупить недостающий до комплекта «том первый», и хотя они мало похожи по своему виду, лучшего экземпляра «Арабесок» мне не попадалось, что свидетельствует о значительной редкости, а отсюда высокой ценности издания.

Кстати, и лучшего экземпляра альманаха «Полярная звезда» на 1824 г. тоже мне не попадалось. Ведь вскоре я узнал, что подобных альманахов было издано три — на 1823, 1824 и 1825 годы. Узнал я также, что альманах на 1823 год издан в количестве 600 экземпляров, на 1824 — 1200 экземпляров и на 1825 — 1500 экземпляров, и что они пользовались всё большим и большим успехом, их коллекционная редкость, как это ни странно, возрастает с увеличением тиражности.

Наверное, это объясняется увеличивающимся объёмом опубликования в них произведений А. Пушкина и наличием иллюстраций гравюрок. Редкость альманаха на 1825 год, возможно, объясняется ещё и тем, что многие владельцы стремились каким-либо путём избавиться от издания, где главную роль играли декабристы Бестужев и Рылеев. В составе моей коллекции альманахов есть все три, а альманах на 1824 год именно тот, который купил в далёком 1959 году. Что же касается анонимной книжки, то вскоре я узнал, что под псевдонимом «Новый поэт» скрывается известный литератор И. И. Панаев, коллега Н. А. Некрасова по изданию журнала «Современник». Эта книжка также мною сохранена. Можно заключить, что первая покупка для ничего не знающего собирателя была удачной.

Так в самом начале шестидесятых годов начался новый этап моего книжного собирательства. Вот цели, которые я наметил: прижизненные издания русских писателей XIX века, альманахи и сборники XIX века, книги с иллюстрациями, изданные в первой половине XIX века. Этому собирательству досталось более сорока лет моей жизни.

Первые годы я очень нуждался в учителях и советчиках. Таковые нашлись среди собирателей-любителей и профессиональных букинистов. С благодарностью и особой теплотой вспоминаю Евгения Владимировича Михальцева. Он был человек преклонного возраста, я об этом говорю потому, что, спрашивая его о каких-то книгах его обширной библиотеки, он отвечал мне просто: «...эту книгу я купил, когда её выпустили», т. е. в 1904 году и т. д. Он был профессором, генералом-железнодорожником, если не ошибаюсь, заместителем директора научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, что помогало в его собирательстве, так как, имея бесплатный проезд, он почти каждое воскресенье ездил за книгами в Ленинград. Надо заметить, что после войны самый лучший, т. е. наиболее полный и дешёвый книжный развал был в Ленинграде. В этом городе не только специализированные букинистические магазины покупали книги у населения, а этим правом был наделён каждый книжный магазин.

Если же учесть, что до начала 1948 года для проезда рядовых граждан в Ленинград нужен был специальный пропуск, то понятно, почему в этом городе длительное время были наилучшие условия для пополнения своих библиотек.

Город, который в царское время был основным издателем в стране; город, большинство жителей которого серьёзно пострадали от блокады или в результате эвакуации, оставив свои книги без хозяйского внимания, с одной стороны, и ограничение въезда потенциальных покупателей из Москвы и других регионов

страны, создали дисбаланс предложения и спроса. Евгений Владимирович мог ездить в Ленинград каждую неделю, что позволило создать ему замечательную библиотеку. Он жил в доме железнодорожников напротив станции метро «Красносельская» в шестикомнатной квартире. В двух довольно просторных комнатах располагалась библиотека, оборудованная хорошими шкафами и полками, каждая из которых запиралась. Мы с Евгением Владимировичем познакомились в одном из букинистических магазинов. Почему он мне приглянулся, думаю, понятно. А вот почему я ему приглянулся, не знаю. Он попросил достать, если конечно попадутся в поле моего зрения, определённые книги, а переданный им тогда список этих книг я до сих пор храню. Спустя некоторое время после нашего знакомства и, наверное, каких-то обменных операций, я был приглашён к нему домой. Интеллигент в высшем значении этого слова, он принимал у себя (конечно, не только меня) настолько доброжелательно, делился своими знаниями так мило, что мне никогда не хотелось уходить, так было приятно и интересно. Я жил тогда на улице Кирова (ныне Мясницкой) около метро «Чистые пруды», ехать к нему мне было очень удобно. Всё же пока я не начал собирать антикварные книги, я бывал у него довольно редко. Зато потом я бывал у него, как только мне удавалось совершить какую-нибудь покупку книг, о которых я знал очень мало или вообще ничего не знал.

Евгений Владимирович был страстным любителем книг, и ему было интересно видеть книги, которые покупал я и, очевидно, приятно делиться своими

знаниями. Он давно умер, я ни в чьих-либо воспоминаниях о нём не читал, считаю своим исключительно приятным долгом вспомнить о нём.

Когда же я написал, что ему было интересно видеть книги, которые я покупал, то, понятно, это относится не к антикварным книгам в понятии середины двадцатого века. К антикварным книгам тогда относились книги первой половины девятнадцатого века (в отдельных случаях до 1860 г.) и другие книги, изданные до этого периода. Каждая антикварная книга имеет свои особенности — прежде всего, это сохранность страниц, характер и сохранность переплёта, наличие и сохранность иллюстраций, применительно к гравюрам и литографиям качество оттисков, владельческие приметы, экслибрисы и суперэклибрисы, пометки и дарственные надписи и т. п. Собственно, эти различия и составляют интерес их коллекционирования. Ведь если бы они все были одинаковы, как, скажем, книги, издаваемые в последние десятилетия, то любительские коллекции различались бы только количеством собранных книг, что не давало бы повода для расширения познаний собирателей.

О некоторых книгах XVIII века

Книгам, изданным в России в XVIII веке, принадлежит особая роль в истории современной культуры страны. Если признать, что XVIII век имеет в истории России особую значимость, ведь именно в его годы получили своё начало многие науки, искусства,